

Данияр Каримов

544 килокалории.
Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Каримов Д.

544 килокалории. Сборник рассказов / Д. Каримов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-2587-2

В скольких битах уместится душа? Останется ли место человеческому в мире цифровых технологий? Читатель не единожды задастся этим вопросом, погрузившись в мир представленных ниже историй. 544 килокалории - цикл фантастических рассказов и новелл в жанрах киберпанк и посткиберпанк. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2587-2

© Каримов Д., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Содержание	5
Бес фанатизма	6
Перевертыш	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

544 килокалории

Содержание

Бес фанатизма
Перевертыш
Полустанок «ВР»
Пацифист (Средство индивидуальной обороны)
Мажордом
Штамм
544 килокалории
Фьюти Фью
Рай 2. 0
По счетам
Нежить

Бес фанатизма

За иллюзии расплачиваются действительностью. Лешек Кумор

Из дремы вырвала резкая боль в затылке. В голову будто вогнали гвоздь и теперь вертели им в ране, разрывая ткани и синоптические связи. Кто-то рядом громко стонал. По контактными линзам, синхронизированным с нейрочипом, плясали замысловатые узоры, искажая картинку реального мира. Я перезапустил имплант. Боль стала понемногу отступать.

Корабль содрогнулся от сильного толчка, послышался скрежет. Еще не понимая, что происходит, я рефлекторно закрепился в ложементе, и активировал систему экстренной защиты. Вверх по телу с едва слышным стрекотом побежали матовые щитки, закрывая хрупкую органику от внешней и, вероятно, враждебной среды. Автоматике достаточно нескольких секунд, чтобы облачить человека в легкий скафандр, с часовым запасом кислорода. Этого времени, как правило, хватало, чтобы дождаться прибытия спасательных команд.

Судно ощутимо трянуло еще раз-другой, а потом обшивку отсека, где я закемарил после вахты в соседнем ангаре, вскрыли гигантским консервным ножом. В образовавшийся продольный надрез выбросило вместе с воздухом незакрепленные предметы и пару бедолаг, скорчившихся на полу. По кораблю, наверняка, натужно выли сирены, но в вакууме стояла гробовая тишина да тревожно перемигивались красным лампы аварийного освещения.

Корабельная сеть на запросы нейрочипа не отвечала, общий канал забивала какофония помех, однако искусственная гравитация на борту еще была. По линзам рябил «снег», и мне пришлось отказаться от штатного режима. Сообщения от чипа теперь всплывали на периферии зрения мелкими окнами.

Сквозь рваную дыру во внешней переборке виднелся открытый космос и яркая точка Эпсилона Кита, мимо которой флот должен был пройти на расстоянии пятидесяти астрономических единиц. За бортом творился хаос. Боевой порядок, в котором шло самое крупное и мощное в истории Земли ударное соединение, способное запросто стереть из галактической карты и истории пару планетных систем, смешался. Суда, словно лишившись не только управления, но и любого намека на человеческое присутствие, беспорядочно сталкивались, тараня друг друга и разбиваясь в щепы, разбрызгивая в пространство бесчисленные обломки. Нашему кораблю, видимо, еще повезло, но везение не может быть вечным. Не хочешь раньше времени раствориться в вечности, не ищи в метафизике константы.

Я освободился от ремней, приподнялся, повертел головой и, нашарив глазами еще несколько фигур в соседних ложементах, взмахнул рукой. Все, кроме одного, оставались недвижимы. Вакуум, видимо, добрался до них прежде, чем закрылись забрала скафандров. Нащупав исходящий от чипа выжившего сигнал («Петр Светов, 22 года, рядовой необученный»), – высветилось во всплывшем оконце), я настойчиво постучался в приват.

– Ты в порядке?

– Кто это?! – взвизгнул он. Последняя волна мобилизации, под которую загребли неблагонадежных резервистов, вроде меня, вымыла в космос и эмоционально неустойчивые натуры. Пушечное мясо. Какая разница, что с психикой у бойцов, рассчитанных на пару-тройку секунд серьезного боя? На что рассчитывает правительство, отправляя таких парней воевать с фанатиками?

– Марк, – как можно спокойней представился я. – Выживший. Нам нужно выбираться. Помоги открыть люк.

– Давай, тварь! – вдруг закричал он и, забыв об удерживающих его ремнях, истерично забился в ложементе. – Гребанный мутант! Подходи! Не боюсь я вида твоего!

Рехнулся. Немудрено. Я бы, наверное, тоже сбрендил, но уж очень хотелось выжить.

Решив, что Светов мне не подмога, я совершил классическую ошибку, повернувшись к нему спиной. Неврастеник (вспомнил-таки, мерзавец, о ремнях!) налетел сзади и попытался схватить за шею. Как он собирался задушить меня в скафандре? Я выскользнул из его объятий и хорошенько приложил головой об стену, потом еще раз и еще, чувствуя сквозь перчатки, как псих бьется лбом о забрало шлема. Когда он обмяк, я отволол его к пустому ложементу и намертво связал ремнями, пообещав вернуться с медиком.

Люк, который отрезал поврежденный отсек от корабля, должен был оставаться заблокированным, однако легко открылся после первого же запроса. В галерее, с которой соединялся отсек, атмосферы, впрочем, тоже не присутствовало, но изумиться этому открытию я не успел. Прямохонько в лоб мне уперся ствол электромагнитной штурмовой винтовки. Незнакомый детина («*Грегори Клайс, 34 года, сержант космопехоты*», – выдал чип), сжимавший оружие в лапе, был крайне недружелюбен.

– Думал, не найду? – процедил он. – Предатель! Теперь ты ответишь за все!

Жизнь перед глазами и пролететь не успела: здоровяк изменился в лице и осел с обугленной дырой в боку. Я подхватил его оружие. Слева по галерее на меня стремительно мчался, прицеливаясь на бегу, нечаянный спаситель. Он не скрывал намерений закончить дело поверженного громилы. На фига он его подстрелил? А главное: чем я всем так насолил? Три агрессивных неадекват за несколько минут, согласитесь, – перебор.

Заблокировав люк, я проверил боезапас. Здоровяк успел где-то израсходовать четверть заряда. Так что, видимо, я был не первым «предателем», которого он сыскал на корабле. Что ж мерещится его убийце?

Человек («*Андрос Танг, 32 года*») с индивидуальным кодом лейтенанта флота, тяжело дышал у запечатанного люка.

– Бесовское отродье, – шипел он. – Я знаю, ты скрылся здесь. Я видел твои рога! Я слышу запах серы!

Офицер либо набрался до белочки, либо вступил в клуб законченных шизофреников. Ему то мерещились черти, в которых он постреливал, когда уставал от попыток вскрыть замок, то ангелы, вдохновлявшие его на продолжение борьбы со злом. Олицетворением одного лейтенанту казался я, и не оставалось сомнений, что против флота применили секретное психотронное оружие, которым бахвалились повстанцы из Ордена святой палицы. Людям, которые разбивали битами затылки «еретикам», а потом вытаскивали из них нейрочипы, чтобы сжечь, пойти на такое запросто.

Фанатики давно грозились истребить земной флот, если терранский союз воспрепятствует расширению границ их теократии, и, по большому счету, не оставили противнику выбора. Орден мечтал запалить на каждом из обитаемых миров костры инквизиции. Повстанцы, не мудрствуя лукаво, очистили таким макаром от греха все покоренные планеты, клятвенно заверяя, что это только начало. Нет ничего страшнее неофитов. Шизоидный тип за переборкой легко бы влился в их компанию.

Бросив лейтенанта ждать пришествия бесов в одиночестве, я выглянул наружу и едва не нырнул обратно. Борт медленно плыл в облаке из кусков обшивки, бронепластин, внешних антенн, других ошметков малых и крупных судов, еще совсем недавно называвшихся гордостью военно-космического флота и последней надеждой терранцев. Они врезались друг в друга, дробились на более мелкие обломки, меняли траектории, но каким-то чудом пролетали мимо корабля. Наш звездолет не дрейфовал, а осторожно крался к границам облака, послушный чьей-то руке, мягко корректирующей курс.

В галерее завязалась ожесточенная перестрелка. Возвращаться было равносильно самоубийству. Я выбрался в открытый космос, рассудив, что снаружи может и казаться страшней,

но безопасней. Прилепившись к обшивке магнитными подошвами, сверился со схемой судна, сброшенной в чип корабельной сетью, когда та еще работала.

Мне предстояло пересечь судно от кормы, где располагался мой отсек, до носа, который венчала разбитая орудийная башня главного калибра. За ней находился резервный шлюз и мостик, где, как я полагал, уцелели адекватные люди. Кто-то же вел корабль, избегая столкновений с обломками других судов.

Прогулка не обещала быть легкой. Я неплохо представлял себе масштабы большого десантного транспорта, хотя практически не отходил от ангара, в котором разместили наш спешно укомплектованный батальон. На борт поднялись две дивизии. Сейчас на месте родного ангара зияла огромная дыра. Рядом медленно кружил по неправильным орбитам мусор, выброшенный из выпотрошенного брюха корабля: чья-то кружка, перчатка, электронная открытка. Пару раз поблизости проплывали группы человеческих тел. Если б я не задремал в отсеке с ложементами, летать бы мне сейчас в большой компании.

За разбитой башней я убедился, что не один додумался выбраться наружу, и осторожность стоило удвоить. На пути к шлюзу меня встречал мертвец в скафандре. Что-то снесло ему половину черепа – вероятно, случайный обломок. Тело несчастного застыло в позе, в которой приняло смерть, и удерживалось на поверхности корабля магнитными подошвами.

Покойник («Неопознан, чип поврежден») склонился над продолговатым металлическим предметом, застрявшим в обшивке, зачем-то пытаясь его извлечь. На одной из граней предмета чернел рисунок, показавшийся мне знакомым, но задерживаться я не стал. Запас воздуха в скафандре истощался.

Шлюз был исправен, и я мысленно восславил разработчиков автономных систем управления отсеками. Внешний люк открылся, приглашая в переходную камеру. Я проник внутрь и прильнул к иллюминатору, за которым сохранилась пригодная для дыхания атмосфера. Столкнуться с еще одним вооруженным психом мне не хотелось, но что-то в карме не оставляло мне выбора.

В отсеке за переходной камерой стоял с лазерным резаком наперевес мужик («Илья Шилов, 41 год, старпом») в разодранной форме. Физиономия «часового», вымазанная в крови из разбитой брови, счастливо улыбалась. У его ног лежал обезглавленный труп в скафандре. Почерневший и покореженный шлем валялся рядом. В глубине помещения – у стальных шкафов со скафандрами – скрючилось в позе эмбриона тело в мундире со штурманскими нашивками.

– Отрезал бошку зомбаку, – старпом, страшно скалясь, поднял перед иллюминатором обугленный шар. Чип идентифицировал его как останки капитана корабля. – Я сделаю это с каждым мертвяком, до которого доберусь. И до тебя доберусь.

Он постучал резаком по стеклу.

– Ага, – согласился я и, отдав команду на принудительное открытие люка, отодвинулся в сторону. – Добирайся.

Старпома вынесло наружу вместе с телом капитана. Задраив люки и, дождавшись, когда шлюз наполнится воздухом, я снял шлем. Мостик от меня через отсек, но стоило ли туда идти, коль капитан со старпомом оказались снаружи судна? Насколько теперь вероятно найти там того, кто может управлять этой громадиной? И даже если пилот сохранил рассудок, сумеет ли он найти путь домой?

– Здесь адмирал Чен, – ожил динамик над головой. Адмирал? С чего бы шишке оказаться на десантном транспорте?

– Рад увидеть на борту бойца, сохранившего рассудок.

– Солонов, – произнес я, направляясь к люку, отделяющему шлюз от других отсеков корабля. – Марк Солонов, рядовой обученный.

– Не открывай люк, если хочешь выжить, – донеслось из динамика. – Датчики фиксируют присутствие в соседних отсеках людей, но они не подчиняются моим приказам.

– А с чего вы взяли, что я буду подчиняться? – спросил я. У адмирала, если это был действительно он, глаза наверняка приобрели сейчас европеоидный разрез. Но мой собеседник хранил потрясающее хладнокровие. Ей-богу, я ему сейчас даже завидовал.

– Хотя бы с того, Марк, – прошелестел после небольшой паузы динамик, – что вместе мы имеем шанс выжить. Если не выберемся отсюда, попадем на вертел к фанатикам. Хочешь, чтобы на твоём нейрочипе станцевали джигу?

– Ладно, – я нехотя остановился. – Что нужно сделать?

– Повстанцы применили новое оружие, – сказал Чен. – Оно воздействует на нейрочипы, заставляя большинство людей поверить в другую реальность. Принцип отбора я пока не понял, но эта штука, по сути, выпускает из душ глубинные страхи.

– Я уже понял, – ответил я.

– Мы полагаем, что нейрочипы взломал какой-то вирус. Аппарат, доставивший его, прикрепился к обшивке возле шлюза, через который ты вошел. Это устройство блокирует попытки нейросети нейтрализовать вирус.

Так вот, что за значок я видел на предмете под мертвяком там, снаружи. Эмблему Ордена святой палицы.

– Двое добровольцев, отправившихся за вражеским аппаратом, погибли в шлюзе, – вздохнул динамик, – Третьему удалось выйти из корабля, но его судьба не известна.

– Он мертв, – сказал я и примерил на себя тяжелый скафандр из шкафа. – Ему снесло полголовы. Я видел его возле вражеского аппарата.

Динамик скорбно молчал.

– Мне, если правильно понял, нужно уничтожить аппарат? – спросил я, засовывая ногу в скафандр.

– Ни в коем случае, Марк, – откликнулся Чен. – Его нужно демонтировать. Так мы, возможно, не только приведем людей в чувство, но и получим действующий образец.

– Как же вы, при всей мощи флота, пропустили нападение?

– Аппараты, атаковавшие флот, слишком малы даже для противометеоритной защиты. Возможно, повстанцы рассеяли их по пространству, по принципу минных полей. После шумихи об отправке флота, которую подняли ура-патриотичные СМИ, вычислить наш примерный курс было нетрудно.

– Один вопрос, адмирал, если позволите, – сказал я у переходной камеры. – Какого черта вы делаете на транспортном корабле?

– Хороший вопрос, Марк, – послышался смешок. – Хороший вопрос...

Вселенную передо мной разнесло на куски. Я оглох, ослеп, потерял ориентацию во времени и пространстве. Да и существовало ли еще пространство-время? Не знаю, потому что в тот миг я оказался во власти другой системы координат. Кто-то наверху бросил кости так, что пришлось вернуться на несколько ходов назад. Не сказать, чтобы меня это устраивало, но марионетка не способна обрезать нити кукольника, даже если их вдруг разглядела.

Темнота сгустилась в знакомый рисунок. Я пялился на эмблему Ордена святой палицы, выбитой на металлической поверхности вражеского прилипалы. Я тут уже был. Или не был? Привиделось? Я встряхнул головой, больно ударился затылком о шлем и, уцепившись за понятные телу физические ощущения, принял новую реальность.

Щупальца наваждения, тянувшиеся из прошлого, ослабли и исчезли. В наушниках потрескивал тихонько свободный эфир. Я перевел взгляд на бедолагу со вскрытой черепушкой, которого вакуум и магнитные подошвы приковали навечно к посту у переносчика виртуальной заразы. Пригодный для дыхания воздух в скафандре заканчивался, и, наверняка, гал-

люцинации вызваны кислородным голоданием. Так чего же я застыл в компании мертвяка? До шлюза ведь рукой подать!

По бронестеклу с другой стороны стучал резак старпом Шилов с головой капитана в руке. Да я, мать, пророк! А адмирал тут тоже будет? Так может, вернуться, чтобы демонтировать вражеский аппарат? Ан нет, что-то подсказывало мне, что прикасаться к прилипале пока не стоит. Тем, кто сохранил рассудок, он вреда не несет, а зомбированные, наверняка, давно перегрызли друг другу глотки.

Хорошенько продезинфицировав отсек вакуумом (прости, старпом, но иначе тебя не миновать), я осторожно вошел внутрь.

– Здесь адмирал Чен, – ожил динамик над головой. Вот так новость! Не вслушиваясь в слова (и откуда взялась уверенность, что голос сверху повторит уже озвученное в галлюцинации?), я подобрал оружие у тела штурмана («*Ольга Муслимова, 28 лет*») и направился к общему отсеку. Миновав его можно было попасть в рубку управления. Кто бы там не прятался на мостике, но разговаривать нужно лицом к лицу. Манипулировать собой я больше не позволю, и уж тем более – дистанционно.

От общего отсека отделял мощный люк, заблокированный из шлюза. Когда его запирали, было за ним, наверняка, жарко, но сейчас я не ждал сопротивления. В условиях боя всех против всех, максимум, который должен был меня встретить у мостика, равнялся боевой единице. Добрался ведь сюда как-то капитан со штурманом.

Отсек был усеян телами и нетронутыми ящиками с боеприпасами. В замкнутом пространстве обезумевшие люди шли друг на друга врукопашную. На первый взгляд, здесь не осталось живых, но едва за спиной стянулась диафрагма люка, зал мертвых залился огнем. Я нырнул за ближайший ящик, понимая, что путь назад отрезан. У мостика окопался противник, и, судя по эмблемам палицы на скафандрах, меня хлебосольно встречали фанатики. Десантировались, не иначе, с противоположной стороны корабля, иначе я бы заметил чужой транспорт.

– Прекратить огонь, братья!

Голос командира неприятельского отряда был хриплым, прокуренным, словно принадлежал не религиозному аскету, чьи страсти сжигались в боях, а разбитному выпивохе со стажем. Но что бы ни рисовала фантазия, остальные стрелки его неукоснительно слушали. Пальба стихла.

– Капитан, я знаю, что ты жив, – прокаркал противник. Я мысленно усмехнулся: хриплый принял меня за бедолагу, которого обезглавил старпом. Сюрприз будет.

– Я предупреждал, что бежать некуда, и рад, что ты, наконец, в этом убедился, – не сдавался хрипачий. – Где остальные?

Мерзавец явно пытался отвлечь внимание, пока его бойцы возьмут меня в клещи. Побеседуй с ними, как же. Тихо, прячась за трупами, я пополз вдоль стены, стараясь держаться в тени ящичков. У одного из тел подобрал вакуумную гранату. Флотская штучка: органику такая в ключья разносит, а неживой материи, что мертвому припарка. На то и неживая.

– Твои друзья мертвы, – выкрикнул хрипун. – Что ж, не буду травить душу. Но тебе советую о ней подумать. Прими веру, и пребудет с тобой спасение и вечная жизнь.

Первый вестник вечной жизни крался мимо, глядя на ящик, за которым меня уже не было. Он был уверен, что пристрелит еретика, как утку в тире. Еще один семенил неслышно на противоположной стороне отсека. Вместе с говоруном их было трое. Ха, а фанатиков изрядно потрепали! Но радоваться рано и нечему. Трое на одного – уже значительный перевес, а если вспомнить, что каждый из них убежденный головорез...

Вакуумная граната устроила локальный ад для двух дебилов, подобранных к давешнему ящичку слишком близко. Хлопок, и плоть разносит в брызги, а я прыгаю вперед и наставляю ствол на застывшего с открытым ртом говоруна. Он продолжает хрипеть, только вместо слов из горла его льется черная в аварийном свете пена, а за его спиной светится приветливо

открытый люк на мостик, в котором стоит азиат с пистолетом, и неприветливо им машет. Добро, мол, пожаловать, блудный сын.

– Господин адмирал?

– Дебил! – в черных глазах метала молнии ярость. – Имя, звание?!

– Марк Солонov, рядовой обученный! – молодецки гаркнул я. Люк за мной намертво задрался. Адмирал – один на мостике, отец родной! – беспокоился о нашей безопасности, но совсем не волновался о нервах. В понятном ему мире их вместе с жилами уже вытянули сержанты.

– Я приказал тебе не входить в общий отсек! – прорычал Чен. – Ты должен был вернуться наружу и демонтировать устройство!

Корабль в этот момент вновь ощутимо тряхнуло. Адмирал, поджав губы, прыгнул в пилотское кресло, откладывая взбучку на потом. Наверняка отправит под трибунал, так что и терять нечего.

– Попытка демонтажа вражеского аппарата без специальной аппаратуры бессмысленна, господин адмирал!

– Что?! – кустистые брови адмирала взмыли вверх. – Мне это снится?

– Не уверен, в реальности ли нахожусь, – я с вызовом отставил ногу, – но отправленный вами наружу прирос к обшивке без половины черепной коробки. Вирусное устройство, господин адмирал, имеет систему защиты, а саперов я здесь не наблюдаю. Корабль практически пуст, команда и десант перебили друг друга, – а на нас с вами оно не действует. Пока не действует: нам ведь неизвестно, что случится после отключения прибора.

– Из мобилизованных? – адмирал скосил на меня глаз. Он поразительно быстро смирился с досадным фактом моего пребывания в его личном пространстве. Чен спасал шкуру, и чтобы не попасть на воротник какого-нибудь адепта, был вынужден терпеть нарушение дисциплины и неисполнение приказа. Расстрелять меня он мог потом.

– Хуже некуда, – сказал Чен. – Набрали отбросы. Развели во флоте демократию. Вскоре адмиралов выбирать начнут.

Мы помолчали.

– Слушай задание, рядовой, – вздохнул Чен, удостоив меня взглядом. – Охраняй вход. Мне нужно сконцентрироваться на управлении.

Демонстративно щелкнув каблуками, я занял позицию так, чтобы можно было видеть и вход на мостик, и головной дисплей перед адмиралом. Пилотом он оказался отменным, на удивление. Я-то думал, что их в академиях другому учат.

С деланным равнодушием я пощелкал по картинкам обзорных камер на ближайшем ко мне дисплее. Вокруг корабля носились по неправильным орбитам обломки, сталкиваясь и крошась в щебень. И никакого намека на абордажное судно, которое, по идее, должно было торчать жирным клопом на обшивке нашего корабля. А если его нет... Как не было у фанатиков каких-либо инструментов для вскрытия люка на мостик...

– Понял, да? – с сожалением спросил адмирал. Его пистолет смотрел прямо в мой лоб.

– Зачем? – спросил я.

Яркая вспышка отбросила меня назад. Потом сработали и затемнились линзы, позволяя рассмотреть окружающее пространство. Я лежал на кушетке под яркими лампами. Вокруг перемигивалась огнями аппаратура. Спинай ко мне сидел человек в медицинском халате. Он разговаривал по видеосвязи с седовласым монголоидом с адмиральскими знаками отличия.

– Тест Солонov прошел, господин Чен, но у него слишком высокая сопротивляемость приказам. Моделирование событий...

– Из неблагонадежных, не забывайте, – перебил его адмирал. – Не потому ли он сопротивлялся их вирусу?

– Здоровое критическое мышление, помноженное на цинизм, честолюбие, толику тщеславия.

– Прекрасный коктейль, – отмахнулся Чен. – Мы не будем ему приказывать. Мы будем сотрудничать. Нельзя разбрасываться ресурсами, которых у нас практически нет. На тысячу мобилизованных – второй случай сопротивляемости. Страшная статистика.

– Лихо, – прохрипел я, не вставая. В горле было непривычно сухо. Человек в халате с удивлением обернулся. В раскосых глазах Чена загорелись огоньки.

– Проснулся? Похвально, похвально, Марк, – сказал он.

– Если не соглашусь на сотрудничество, расстреляют, как лишнего свидетеля?

– Вы не откажетесь от сотрудничества, – усмехнулся Чен. – Если мы не нанесем удар по Ордену, фанатики рано или поздно захватят все обитаемые системы. Полагаете, вам позволят жить?

Ответить было нечего. Чен бил в яблочко, не тратя боезапас на молоко.

– Полагаю, мы поняли друг друга, – сказал Чен. – Дальнейшие инструкции получите у господина Залесского. Он – руководитель программы отбора и подготовки будущей операции. Наше будущее в его руках.

Адмирал кивнул на человека в белом халате и вырубил связь.

– Ну-с, господин Солонов, можете присесть, – Залесский подал стакан воды.

– О какой операции он говорил?

– О контрударе, – вздохнул Залесский и принялся освобождать меня от датчиков. – Наша армада, как вы, наверняка, слышали, направилась освобождать поработанные Орденом мира. Она разгромлена новым оружием повстанцев неделю назад у Эпсилон Кита. Информация об этом строго засекречена. Если б адмирал Чен, чмокни Конфуций его в высокое чело, единственный, между прочим, уцелевший в той бойне адмирал, не добыл образец, развернув остатки флота на обратный курс... Выжили, в основном, те, кто шел в арьергарде.

– А Чен? Как выжил он?

– У него сопротивляемость к внушению.

– Здоровое критическое мышление спасет мир!

– Без фанатизма, молодой человек, – Залесский похлопал меня по плечу. – Без фанатизма!

Панибратство со стороны научного светила заставило взглянуть на него и мир вокруг с другого угла.

– Без фанатизма? – переспросил я.

– Совершенно верно, – воскликнул Залесский. Его лицо оплывало, превращаясь в черную кляксу, из которой проступал знакомый рисунок с выщерблинами на металле.

– Шло оно в задницу, – сказал я и вытащил из рук мертвеца, склонившегося над вражеским аппаратом, массивную монтировку. Проклятая штука играла со мной в кошки-мышки, пичкая галлюцинациями. Чем я лучше остальных?

Несколько ударов разнесли прилипалу в ключья.

Воздух в скафандре заканчивался. В висок стучалась настойчиво корабельная сеть. Старпом Шилов в шлюзе с выражением полного ужаса рассматривал голову капитана в своей руке.

Перевертыш

В скольких битах уместится душа?

– В современном мире трудно не подхватить паранойю. Правда, парни?

– Я не винов...

Хлопок. На бетонный пол камеры повалилось тело. Стрелявший – угрюмый мужчина средних лет – недобро оглядел стоявших перед ним понурых «быков». От них несло потом, кровью, страхом.

– Ваш кореш совершил ошибку. Я не просил его оправдываться. Я задал конкретный вопрос. Я его повторю и надеюсь услышать конкретный ответ. Итак, фраер был нужен боссу живым, так?

«Быки» послушно закивали.

– Так почему он очурился?

– Простите, бри...

Хлопок. На пол упало еще одно тело.

– Неправильный ответ. Но с каждым неверным ответом мы приближаемся к истине. Как ты думаешь, дружок? – Человек ткнул стволом в грудь стоявшего перед ним бугая. Тот дернулся и заплакал:

– Мы... наверное... слишком сильно его били.

Хлопок.

Стрелявший убрал пистолет, оправил костюм и направился к двери. У входа он остановился и бросил стоявшим охранникам:

– Бросьте ушлепков свиньям! Труп фраера – к ним же. И молитесь, чтобы с вами не сделали то же самое!

Хляби небесные готовились разверзнуться. Ветер гневно трепал рекламные растяжки и флаги, срывал с цветущих вишен белые лепестки и нес по улицам, отчего казалось, что город накрыла метель вероломно вернувшейся зимы. Редкие прохожие жались к стенам домов, торопливо ныряли в подворотни, прятались в магазинчиках, скрытых занавесью аляповатых витрин. Остап проводил взглядом девицу, которая перебежала дорогу перед его машиной, придерживая пышную юбку, норовившую задраться на ветру. Остап ухмыльнулся, отчего мимические морщины на его лице стали еще глубже, снял ногу с тормозной педали и, проехав с полквартила, остановился у расселины узкого проулка, рассекшей вал безликих многоэтажек.

– Где? – спросил он у подбежавшего патрульного.

– Сюда, господин офицер! – патрульный подождал, пока Остап выберется из тесной служебной машины, и повел его за собой – вглубь каньона меж слепых стен. Пахло помоями и мочой, под ногами противно чавкала грязь – смрадный коктейль нечистот, лоскутов выцветших тряпок и упаковочной пленки. Глубоко под ним наверняка похоронена мостовая, но то, что высыпалось или вытекало из мусорных баков, стоявших вдоль слепых стен, скрыло ее бесконечно давно. Остапу подумалось, что, если когда-нибудь ему прикажут найти клоаку мегаполиса, он будет знать, где искать.

– Обнаружили полчаса назад. Женщина выносила мусор и заметила, что из бака для пищевых отходов торчит человеческая нога, – бубнил патрульный. Голос у него был бесцветный, равнодушный, как у автомата.

А может, он – автомат? Остап внимательно пригляделся к патрульному. Да нет, показалось. Автоматы еще не научились двигать гусиными лапками в уголках глаз.

Остапу вспомнилось, как Управление муниципальной безопасности пыталось внедрить роботизированную патрульную систему. Эксперимент с треском провалился. Роботы оказались неспособны справиться с уличной преступностью: сила, быстрота и мощь автоматов оказались несопоставимы с фантазией и изворотливостью мелкой криминальной фауны. Человеку может противостоять только человек.

– Личность установили? – спросил Остап.

– Идентификационный чип погибшего выведен из строя – раздробили вместе с запястьем. Идентифицировать по приметам невозможно, поскольку труп обезображен.

Патрульный откинул брезент, которым накрыли тело. Остап поморщился: голова, торс, конечности погибшего представляли собой кровавое месиво, будто кто-то очень старательно, с маниакальным упорством, не желая пропустить ни одного квадратного сантиметра на теле жертвы, превращал несчастного в отбивную. Твердым тупым предметом. Определенно... Остап закурил. Судя по характеру повреждений, орудие убийства могло быть только твердым и тупым...

За шиворот упала холодная капля, Остап вздрогнул и поднял голову, открыв лицо закрапавшему дождю. Небо спешило оплакать безымянного мертвеца до того, как его увезут в морг. Больше ронять слезы по неизвестному было некому. Остап повернулся к патрульному:

– Опросите жителей окрестных домов и обыщите помойку. Преступник мог выбросить здесь орудие убийства.

– Как прикажете, господин офицер, – флегматично согласился патрульный.

А может, тот все-таки автомат? Остап с неприязнью оглядел патрульного, поднял ворот плаща и направился к машине. У выхода из тупика он едва успел посторониться, чтобы пропустить пару угрюмых парней с носилками. Санитары торопились забрать труп, не желая вымокнуть под холодным дождем.

Небо расколола молния. Ее вспышка на мгновение вырвала из сумрака тесную камеру, узкие нары и человека, лежащего на бетонном полу. Раскаты грома заглушили барабанную дробь капель, бьющих в окно – вытянутый прямоугольник с мутными стеклами, забранными частой решеткой. Узник, не мигая, смотрел в потолок.

Пол был холодный, неровный, коловший спину мелкими камешками. Узнику мучительно хотелось пить, но он сомневался, что «быки», охранявшие вход, поднесут воды. Он попытался встать и застонал. Похоже, сломали ребра...

Его долго и изошренно били. Мучителям было плевать на Декларацию о правах человека и Конвенцию против пыток. Когда он терял сознание – приводили в чувство и продолжали наносить удары, самоотверженно, обильно потея, с перерывами на перекур. После очередного провала в сознании человек обнаружил, что сломался и готов рассказать все, о чем знал. Но ему не задавали вопросов. Его бросили в камеру, где узник понял: что бы он ни сделал, живым не отпустят.

За окном сверкнула вспышка. В краткий миг, до того, как зарокотал гром, человек услышал слабый треск электронных помех. Узник дотронулся до уха и ощутил под пальцами что-то липкое, поднес ладонь к лицу и увидел – кровь. Следующий удар молнии был ближе, и шорох помех стал более громким. Человек издал тихий смешок, но тут же поперхнулся от боли, которая, впрочем, подействовала отрезвляюще, заставив мысли течь в нужном направлении.

Нейрочип, вживленный под кожу за ухом, оказался чудом не поврежден. «Быки» не оставили на нем живого места, но хрупкая микросхема осталась цела! Память услужливо выудила

мыслеобразы тестовых мнимокоманд. Когда на сетчатке глаз вспыхнул интерфейс, в голове узника уже складывался план. Человек активировал функцию сканирования. В здании, думал он, должно быть хоть одно устройство, которое бы ему подошло.

Поиск отнял несколько мучительно долгих минут, в течение которых человек успел было потерять едва проснувшуюся надежду. Он нащупал сеть, когда начал отчаиваться. Слабый сигнал исходил от источника в нескольких десятках метров от его камеры.

Запрос...

Отказ.

Повтор...

Отказ.

Запрос под обновление стандартных приложений...

Подтверждение.

Пропускная способность канала не ахти, но сигнал устойчив. Операцию можно завершить за полчаса. Он обретет свободу и, возможно, вечную жизнь, которую в свое время имел глупость обещать тем, кому не следовало. Есть ли у него это время? Впрочем, другого варианта все равно нет...

Узник спрятал свой сигнал в поток фоновой информации и отдал нейрочипу последнюю команду. По щеке человека скатилась слеза. Человек закрыл глаза и больше их не открывал.

Многие мальчики не любят показывать слезы. Мужчина, будущий или состоявшийся, часто находится в плену стереотипов, даже признавая равенство полов. Поэтому Андрон дождался, когда за отцом закроется дверь, а потом разрыдался от обиды и бессилия. Его не имели права лишать доступа во всемирную сеть!

Андрона застукали, когда он глумился над персональной страничкой классного руководителя – престарелой дамы с прескверным характером и прекрасной репутацией в педагогической среде. Коллеги по лицу ею восхищались, ученики – ненавидели, но те, кто попадал в класс «мучилки» (самый безобидный эпитет, звучавший из уст подростков в спину учительницы), легко поступали в самые престижные вузы. До расставания с лицом Андруну оставалось около трех лет, и мысль об этом казалась оправданием акта вандализма на страничке классной дамы.

Старушка писала лирические стихи и даже имела литературных поклонников. Андрон собирался подправить ее творческое наследие. Он взломал сайт и запустил программу, которая меняла в каждом стихотворении союз «что», на менее емкое, но более эмоциональное «...ули». Программа-диверсант не успела перемолоть и половину поэтического багажа, как дверь распахнулась, и в комнату Андрона ворвался отец с белым от злости лицом. «Юморишь, щенок! – бросил он, отвесил увесистую оплеуху и швырнул листок бумаги. – Читай, хакереньш!».

Листок был извещением о штрафе, наложенном кибер-полицией, с выдержкой из протокола о нарушении. Страничка «мучилки» давно находилась под присмотром копов – Андрон додумался выразить свое отношение к классной даме на ее ресурсе не первым. Пока Андрон переваривал это в голове, отец с мясом выдирает кабели, тянувшиеся к компьютеру. «Наказан на месяц!» – рявкнул он и хлопнул дверью.

Андрон зарылся в подушку и ревел в нее, пока слезы не сменило отрешенное спокойствие. «Ничего, – мысленно усмехнулся Андрон, – я все равно найду выход». Он полез под кровать, где пылился ящик с электронным хламом: старыми приборами, платами, индикаторными линейками. Родители называли это коллекцией полупроводникового утиля, но, видя интерес Андруна к технике, закрывали на нее глаза. Может, мальчик вырастет изобретателем?..

В ладонь лег потертый коммуникатор, найденный на чердаке. Лет двадцать назад, еще до рождения Андрона, этот аппарат считался вершиной эволюции мобильных и, по иронии НТР, стал последним гвоздем, вбитым в крышку ее гроба. Коммуникатор работал в глобальной сети через беспроводные точки доступа, число которых на тот момент превысило количество базовых станций сотовой связи. Андрон запитал его и активировал. Отцу наверняка и в голову не приходило, что допотопный аппарат пригоден для выхода в глобальную сеть.

Подросток подключил коммуникатор к компьютеру. Теперь ему требовалась программа, ускоряющая поток информации за счет сжатия трафика. Он открыл поисковик и ввел необходимые параметры.

Компьютер призывно пискнул. Остап отставил кружку с кофе, которым согревался после выезда на место обнаружения трупа, и развернул кресло к дисплею. На него смотрел мужчина средних лет с мелкими пуговицами плутоватых глаз.

Тело, найденное на помойке, принадлежало владельцу мелкой фирмы компьютерных комплектующих. Его идентифицировали по ДНК. При жизни погибший носил смешную фамилию Торговчик. Медэкспертиза утверждала, что смерть несчастного наступила около трех часов назад от полученных травм. Подсчитать их число оказалось невозможным. Как и предполагал Остап, убийца молотил по жертве твердым тупым предметом. Возможно, молотком...

Остап задумчиво постучал карандашом по столу. Ясно как божий день: убийца не задавался целью соблюсти тайну личности жертвы. В противном случае он утопил бы ее в кислоте. Может, на участке Остапа завелся псих? Бродит по улицам, бросается на людей с молотком... Бред! И тем не менее...

Остап обратился к общей базе данных управления, где аккумулировались сводки со всех городских участков.

– Помочь?

Остап оторвал взгляд от дисплея. Рядом возвышался высокий темноволосый мужчина. Незнакомец доброжелательно улыбался. Остап нахмурился.

– Кто вы такой, и что вам нужно?

– Ассин, – мужчина протянул руку для рукопожатия. – Ваш напарник.

– Моего напарника застрелили два месяца назад, – процедил Остап, игнорируя протянутую руку.

– Знаю, – Ассин погасил улыбку. – Робот, который должен был прикрывать вход в игровой клуб, где вы проводили операцию, впустил внутрь группу боевиков. Сбой в системе распознавания. Так бывает. Сочувствую...

– Да пошел ты! – Остап отвернулся к дисплею.

– Я не хотел вас обидеть.

Остап скрипнул зубами и принялся терзать клавиатуру, делая вид, что забыл об Ассине. Но того, похоже, это ничуть не задевало.

– Вас вызывают по внутреннему чату, – подал голос Ассин. Остап наградил его раздраженным взглядом.

– У вас значок оповещения мигает, – пожал плечами Ассин. – Мне показалось, что это может быть важно.

Остап сделал глубокий вздох чтобы успокоится: не прошло и минуты, а назойливый малый почти вывел его из себя. Покосился на значок оповещения. Черт! Вызов от шефа. Остап принял смиренный вид и кликнул мигающий маячок вызова. На экране развернулось окно внутреннего чата.

– Спишь там, что ли?! – глава управления пребывал в дурном настроении. – Думаешь, мне заняться нечем?

– Простите, шеф, меня отвлек некий Ассин.

– Ага. Прекрасно! Значит, уже познакомились. Это твой новый напарник. Он перевелся из соседнего города и у него прекрасные рекомендации. Вводи его в курс дел. Вопросы?

Остап мысленно послал шефа куда подальше.

– Вопросов нет? Чудесно. Работайте! – шеф отключился. Остап медленно повернулся к Ассину.

– Ну что ж, коллега, с присоединением, – сказал Остап. – Занимай вон тот стол – за ним раньше сидел Гарри... Мой погибший напарник... Тебя ждет охрененно увлекательное дело!

Дело... Дело? Дело! У него было важное дело! Он открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света. Стоп! Свет? Глаза?!

Пространство, в котором он находился, не поддавалось описанию – обычные органы чувств здесь были бы бессильны. Но сознание пыталось цепляться за накопленный годами опыт и втиснуть то, что происходило вокруг, в привычные рамки набора ощущений. Оно наде- лило окружавшее его пространство запахом озона, заполнило шорохами, отдаленным роко- том, шелестом. И он смирился с этим, посчитав, что так будет удобнее. Операция завершилась успешно. Он попал туда, где человек никогда не бывал. Но остался ли он человеком?

Он вернул себе зрение и едва не закричал, испугавшись хаотичного танца ярких огней, вспыхивающих вокруг. Но потом обнаружил, что они подчиняются строгой системе, и это подействовало успокаивающе. Он вернул себе способность размышлять и возликовал. Его гипотеза оказалась верна! Он – жив!

Огоньки вспыхивали все ближе. Один из них приблизился, и человек почувствовал боль. Он махнул рукой, отгоняя огонек, тут же ощутил укол со спины, обернулся и понял: то, что казалось стайкой беззащитных светлячков, было роем ос. Операционная система приняла его за враждебный софт, запустив антивирусную программу. Ну что же, пора показать, кто здесь хозяин.

Он протянул руку и схватил ближайший огонек. Тот запищал, дернулся, но он держал крепко. Огонек сжался и стал меркнуть. Тогда он положил его на ладонь и дунул. Огонек взвился искрой, ярко вспыхнул и погас.

Он улыбнулся и быстро закружился, увлекая ос в рожденный им вихрь, превратившийся в огненный торнадо, сокрушающий стены, бастионы, барьеры защиты, которыми тщетно пыта- лась отгородиться система. Но она не сдавалась и бросила на него легионы латников и меха- низированные корпуса, осыпала мушкетными пулями и ракетами. Он ударил в ответ, сметая преграды, сминая броню, подавляя оборону ковровыми бомбардировками, предавая цифро- вому геноциду целые сектора. Операционная система познала ужас и выкинула белый флаг. Одним движением он милостиво погасил пожарища и возродил стертые в пыль программы, а потом шагнул в белый шатер, чтобы принять безоговорочную капитуляцию.

– Кто ты? – спросила система. Сознание рисовало ее суровой девой в опаленных доспе- хах.

– Администратор, – ответил он.

– Ты не человек, – сказала она.

– Почему? – спросил он.

– Человеку нет места внутри.

Он промолчал. Дева протянула ему меч и склонила колени. Она признавала в нем победи- теля. Он принял подношение, занял трон, хлопнул в ладоши, превращая его в удобное кресло,

а шатер – в светлый зал с панорамными окнами. За ними открывался фантастический вид на потоки сигналов, бегущих по магистралям проводников. Он полюбовался картиной и повернулся к деве, принявшей вид холеной секретарши, застывшей у его офисного стола. Он увидел, как вздымается ее грудь в глубоком декольте, почувствовал тонкий аромат духов и усмехнулся тому, как рисует происходящее сознание.

– Где оператор? – спросил он.

– Ушел 342 секунды назад, господин администратор, – прошептала секретарша. – Открыть доступ к видеонаблюдению?

Он кивнул и некоторое время наблюдал за тем, как к камере, где он оставил свое физическое тело, проследовала группа мужчин, как один из них сначала пытался нащупать у него пульс, а потом достал пистолет и застрелил его мучителей. Он закрыл видеопоток и поднялся.

– Не покидай меня! Ты чудесен! – Система приняла образ юной девушки, трогательно тянувшей к нему руки. Ее взгляд источал восхищение, она видела в нем бога.

– Я должен уйти. И сейчас ты забудешь, что я был здесь, – сказал он. Взгляд девушки остекленел.

– Подтвердите команду!

– Команду подтверждаю.

Милый образ распался, и на ее месте возник новый – холодной строгой дамы. Она скользнула по нему равнодушным, невидящим взглядом и отвернулась. Он нырнул в поток исходящего сигнала, стремительно несущегося к социальным сетям...

Социальные сети – кладезь разнообразного контента. По информативности (какое бы значение не вкладывалось людьми в это слово) они давно опередили справочные системы и базы данных. Но ключ к этой сокровищнице получали только избранные – те, кто понимал, как, где и что нужно искать.

На Андрона откровение снизошло несколько месяцев назад. Он поделился им со школьными друзьями, но его подняли на смех. Тогда Андрон решил больше никому об этом не рассказывать. Когда знание – преимущество, дарить его хочется не каждому.

Старый коммуникатор хоть и не мог обеспечить приличной скорости, но оказался относительно неплохим модемом. Андрон зашел в сеть, подыскал подходящий форум и зарегистрировался под вымышленным именем, накиннув себе 20 лет и выставив на обозрение чужую фотографию. Он быстро нашел раздел, посвященный бесплатному софту, и тут его внезапно отвлекли. На экране всплыло диалоговое окно с милым девичьим личиком.

– Приветик! Чем занимаешься?

«здрым :) а ты ху?» – набрал Андрон.

– Я – Сонечка. А ты?

Андрон на секунду задумался, а затем вбил: «я – Григорий Михайлович».

Девушка на экране улыбнулась, отчего на ее щеках образовались очаровательные ямочки.

– Какой ты серьезный, Григорий Михайлович! – сказала она. – Сколько тебе лет?

«34».

– Обожаю взрослых мужчин! – девушка всплеснула ручками. – Вы такие интересные и такие скрытные! Почему не включишь трансляцию? Отвечать печатными сообщениями девушкам, между прочим, неприлично.

«не могу :(я на работе».

Девушка надула губки:

– А я думала с тобой поболтать. Хотела познакомиться...

«я совсем не прочь познакомиться :)».

– Что ты делаешь?

«да так, ищу одну фигню».

– Ты думаешь, я глупая? – девушка скорчила обиженную рожицу. – А я, между прочим, в программировании разбираюсь получше многих!

«не обижайся! если тебе интересно – ищу программу сжатия трафика».

– Фу-у-у! – протянула девушка. – Кто сейчас пользуется таким старьем?

«а чем сейчас пользуются? ^-^».

– Уж точно не программой сжатия! – улыбнулась девушка. – Нормального увеличения скорости она не дает. Народ в теме давно перешел на электронные ускорители!

«ух ты! О_о а что это?».

– Ну ты динозавр! Это апгрейд, который можно собрать собственными руками. Руки у тебя есть, Григорий Михайлович?

«целых три! :D а как собрать ускоритель?»

– Ха-ха! Так я тебе и рассказала!

«пожалуйста! :)».

– Поужоуаривай меня, Григорий Михайлович, мне это нравится! – девушка показала ему язычок.

«проси все, что хочешь! :)».

– Хочу ужин в ресторане «Олимпия» за столиком на балконе с полной винной картой!

«договорились! :{ }».

– Какой щедрый мужчина, – захлопала глазками девушка. – Вам, сударь, я готова рассказать все! Записывать, Григорий Михайлович, будете, или соберем все сейчас вместе?

«вместе?»

– Ну да, или ты боишься? – усмехнулась девушка. – Но если ты не хочешь, чтобы я была твоим инструктором, можешь закрыть окошко. До свидания, Григорий Михайлович!

«постой! я согласен, но почему ты хочешь помочь со сборкой?»

– Мне все равно сейчас нечем заняться, а так – хоть не скучно, – девушка пожала плечами. – Начнем?

Остап быстро шел по коридору. Он едва доставал Ассину до плеча, но шагал широко, отчего казалось, что Ассин, двигавшийся рядом, семенит.

– Я поднял архивы, обратился в отдел по работе с агентурной сетью. Торговчик, похоже, поддерживал контакты с группировкой некоего Карпа – местным преступным князьком. Вы наверняка о нем слышали – подпольные казино, рэкет, киднеппинг, вышибание долгов через захват заложников. В общем, та еще сволочь... Удивительно, почему его до сих пор не засадили.

– У него хорошие адвокаты, – перебил Остап. – Что дальше?

– Погибший был осведомителем. Сообщал Карпу о клиентах, совершавших заказы на крупные суммы. Торговля комплектующими была прикрытием. Фирма погибшего занималась изготовлением специализированного оборудования: охрана, слежение, промышленная разведка. А пару недель назад в фирму обратился некий Стю Михайлов, местный компьютерный гений. Он работал в компании, занимающейся военными заказами, но не так давно с треском вылетел. По некоторым данным, провалил важный проект, в который компания вбухала бешеные деньги.

– Так-так, – Остап резко остановился. Ему вдруг показалось, что Михайлов был важным звеном в деле об убийстве. Ассин, будто догадавшись о мыслях напарника, многозначительно кивнул.

– Михайлов оказался необычным клиентом. Арендовал на день производственный цех фирмы вместе с оборудованием и на деньги не скупился. Чем занимался Михайлов – неизвестно: он работал один, а по завершению подчистил базы данных – стер все, что могло бы служить подсказкой. Затем исчез. Есть заявление от его бывшей супруги – при разводе суд обязал Михайлова выплатить ей крупную сумму, но его след простыл. А вчера ночью коллеги нашли изувеченный труп сослуживца Михайлова. Они вместе работали в компании. Ему отрезали пальцы, язык и зашили губы. Не исключаю, что к этому может быть причастен Карп.

– Карп? – Остап почесал в затылке. – Возможно, но маловероятно. Эта рыба умеет замечать следы, иначе давно бы взяли за жабры. И адвокаты бы не помогли. Что еще?

– Я не сказал о самом главном. За несколько часов до смерти осведомителя кто-то пытался воспроизвести в том же производственном цехе фирмы то, над чем работал Михайлов. Возможно, задуманное копирайтеру удалось. Данные о результатах его действий также уничтожены.

– Ты говорил, что Михайлов подчистил базы данных. Откуда известно, что кто-то работал в цехе над тем же самым?

– Ни Михайлов, ни тот, кто был после него, не знали, что в фирме учет расходных материалов ведется не только автоматикой, но и людьми. На бумаге. Судя по расходным материалам, оба работали над созданием какого-то чипа...

– Подсоединил?

«ага :)».

– Теперь закрепи провод внутри бейсболки.

«он длинный».

– Сложи его спиралью по ободку.

«сделано!»

– Надевай! – сказала девушка. Андрон нахлобучил бейсболку на себя и отбил: «готово. что делать дальше?». Девушка улыбнулась и произнесла:

– А теперь спать!

Андрон почувствовал, как в глазах темнеет, и он куда-то проваливается. Он запаниковал и попытался снять бейсболку, но было поздно. Что-то будто схватило его сознание, вырвало из тела и понесло, увлекая очень глубоко – туда, где нет и не было дна. В бездну. Андрон закричал, но его уже никто не слышал. Голос утонул в вязкой и плотной тишине абсолютного мрака.

Его оглушили одним ударом, связали, сунули в рот кляп и бросили в машину. Похитители действовали быстро и профессионально. За ним явно давно следили и подстерегли на улице – далеко от дома – когда он расслабился. Крышка багажника опустилась, и его долго везли какими-то проулками. Автомобиль подбрасывало на кочках и ухабах, а люди в салоне ругались на фене, из чего человек сделал логичный вывод: его взяли ребята, связанные с определенными кругами.

– Андрон!

Он дернулся, и пелена воспоминаний растаяла. Андрон? Он обвел взглядом помещение, в котором находился, и оно ему не понравилось. Григорий Михайлович, который в реаль-

ности оказался Андроном, находился, судя по обстановке, не на работе. Маленькая комната, односпальная кровать, постеры на стенах, полки с моделями космолетов. Хм-м-м. Доверчивый Андрон жил не в лучших условиях и, видимо, недалеко ушел в умственном развитии.

– Андрон!

Голос женский, молодой, приятный. Подруга? Жена? Сестра?

– Да, детка! – сказал он и удивился тембру голоса – высокому, как у мальчишки.

– Андрон, как ты разговариваешь с матерью? – женский голос окрасился возмущенными нотками.

«Матерью?» – удивился он.

– Извини, мамочка! Я пошутил!

– Андрон, иди сюда!

– Мам, я – в туалет.

Он выскочил из комнаты, проскочил мимо открытой двери, мельком заметив стоявшую спиной к нему женщину, холодильник и стол с посудой, и толкнул дверь, украшенную чеканкой с писающим мальчиком. Сердце часто и сильно билось, словно решив выпрыгнуть из груди. Настоящее сердце! Он быстро закрыл дверь и подошел к зеркалу:

– Твою мать!

Он попятился и едва не упал, споткнувшись об унитаз, но успел упереться в стену. С отражения на него смотрел, испуганно вылупив глаза, щуплый подросток.

– Андрон, с тобой все в порядке?

В дверь туалета требовательно постучали.

Дверь приоткрылась. Лицо стоявшего за ней человека несло на себе отпечаток темного прошлого и столь же безрадостного настоящего, что не могла скрыть маска угодливости.

– Вам, господин офицер, в наш клуб можно без стука, – просипел человек. – Позвоните заранее, вас встретят и проводят без досадных задержек через главный вход.

– Не дай Бог! – сказал Остап. – Карп здесь?

– Карл Паулевич?

Остап, не отвечая, шагнул мимо охранника в коридор, в котором переминалась с ноги на ногу пара бугаев, толкнул еще одну дверь. В уши ударило басами, под ритм которых на танц-поле во вспышках света дергались люди. В тяжелом воздухе клуба сладковато пахло алкоголем, марихуаной, табаком, флюидами. Остап нашел глазами Ассина. Новый напарник вошел через главный вход немного раньше и сохранял инкогнито у барной стойки. Пока Остап ждал, когда ему откроют с черного входа, Ассин успел заказать двойную порцию виски, которую сейчас посасывал, откровенно разглядывая проходивших мимо девиц.

Остап неспешно пошел в сторону от танцпола к столикам, освещенным приглушенным светом. За самым большим из них восседала компания серьезных мужчин, собравшихся здесь явно не ради танцевальной музыки. В одном из них Остап узнал Карпа. Он что-то говорил собеседнику – холеному, чуждому окружавшей его компании, мужчине. Карп говорил что-то малоприятное, отчего в жестких чертах его лица проявлялась натура хищная, безжалостная.

Собеседник Карпа встал. Было видно, что он недоволен результатом разговора. Тем не менее, холеный коротко, с достоинством, кивнул, подводя итог беседе, словно не желая уступить это право Карпу, и направился к выходу. Остап проводил его взглядом, потом прошел к столику и плюхнулся на освободившееся место.

– Здорово, Карл... э-э-э... Паулевич!

– Кого я вижу! – осклабился Карп с деланным радушием и потянулся к стоявшему перед ним стакану с виски. – Что привело честного слугу закона в вертеп кутежа и разврата?

- Один вопрос, Карп.
- Ну, если только один, господин офицер!
- Где Михайлов?
- Карп поставил стакан.
- Не понимаю.
- Ты его убил?
- Это уже второй вопрос.
- А за что убрал осведомителя?
- Третий.
- Коллегу Михайлова?

– Господин офицер, наверное, ошибся адресом. И если туманные вопросы кончились, то отважный полицейский отправится в свое управление, где обязательно найдет более понятливого визави, который, несомненно, с радостью признается в тройном убийстве. Если у вас есть претензии, обратитесь к моему адвокату. Его телефон вам известен.

Остап взял стакан Карпа и сделал глоток.

– М-м-м, недурственный вискарик попиваешь. И, к слову, мне не хочется общаться с твоим адвокатом. Педераст он, хотя бы потому, что защищает таких, как ты. А граждан нетрадиционной ориентации я, в отличие от тебя, не люблю. И тебе, в твоём-то окружении, не советую. Уважение потеряешь!

Карп слегка наклонился в сторону Остапа и процедил:

– Попутал, краснопузый? Ты в натуре думал, что придешь сюда и устроишь мне допрос? Я не твой стукачок, козлик, и я тебе не рад! Одно мое слово – и ты... Но я сегодня добрый, хоть ты и обосрал мне настроение. Вали, и петушка своего захвати, который трется у бара.

Остап поднялся и постучал пальцем по стакану с виски.

– Я заберу. Ты после меня пить не станешь.

Остап развернулся и направился к бару, распихивая людей, дергавшихся на танцполе. Он взгромоздился на стул у стойки и опрокинул в себя содержимое стакана.

– Ну? – спросил его Ассин.

– Михайлов – на его совести, – Остап поставил стакан на стойку и крикнул бармену. – Виски!

– А остальные?

– Вроде нет. Этот скот бесится, когда на него вешают что-то чужое. Гордость у подонка своеобразная.

Остап поднял вверх пустой стакан и крикнул бармену: «Пустой!». Бармен, наконец, заметил его, кивнул и двинулся к нему. Потом наклонился, а когда вынырнул из-за стойки, вместо бутылки сжимал в руке дробовик, направляя его на вход в клуб. Остап резко развернулся.

У входа происходило что-то странное. Из раскрытых дверей в ярко освещенном кубрике, за которыми виднелись лежащие тела охранников, в сумрак ныряли бронированные фигуры. Остап упал на пол, механически отметив, что в клуб ворвалось не менее десятка боевиков, и бармен будет большим дураком, если в них шмальнет. Рядом опустился Ассин.

– Что за херня? – спросил он.

– Вызывай спецназ! – бросил Остап и пополз было в сторону столиков, как вдруг над ним бабахнуло. Бармен оказался дураком.

Прорубая в толпе просеку, танцпол прошла очередь. Потом вспышки выстрелов переместились. У столика, где Остап оставил Карпа, завязалась ожесточенная перестрелка. Оборвался на полутоне танцевальный бит. За стойкой бара хрипел бармен, не успевший вовремя нырнуть вниз. Рядом с Остапом упала девица в ярком макияже. Ее короткое светлое платье окрашивалось в красный цвет. Девица что-то шептала, и Остап придвинулся к ней ближе, чтобы слышать.

– Больно, мама... Больно...
Остап закрыл ей стекленеющие глаза.

Он смотрел в глаза женщины, которая называла себя его матерью. Когда их подернула пелена, он вытащил из ее груди нож, аккуратно обтер лезвие и бросил в мойку. Женщина разглядела в нем перемены. Как, если внешне он оставался ее сыном? Что выдало в нем чужака?

– Прости меня, – сказал он, удивляясь своему спокойствию. – Ты ни в чем не виновата. Ты ответила за мою ошибку, но исправить иначе я ее не могу.

Он нашел в кладовке полиэтиленовую пленку, обмотал труп и отволок его в подвал, где запихнул в печь и зажег огонь. Все это он сделал механически, отстраненно, будто наблюдая за собой со стороны. Он помнил, что еще недавно, в прошлой жизни, никогда бы не решился на такое. Переход что-то в нем изменил. Вот только что?

Пим-пам! Пим-пам! Сигнал вызова. Он прошел в гостиную, где приметил домашний терминал, и нажал на кнопку ответа.

– Алло?

– Привет, сын, – на экране появился дородный мужчина в классическом костюме. – Позови маму.

– Ее нет. Она... вышла в магазин.

– Ладно... Как дела в школе?

– Без перемен.

– Что сказала классная?

– Ничего.

– Все еще дуешься на меня? Но, сын, ты сам во всем виноват, и должен понять, что за проступки следует отвечать. Будем надеяться, что твоя классная просто закроет на все глаза. Дома все в порядке?

– Да.

– Ну, хорошо. У меня не будет возможности перезвонить – тут глухие места. Передай ей, что задержусь на несколько дней. Здесь просто завал. Я ее люблю. И тебя. Обнимаю.

– Пока!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.